

Базель в лабиринтах парижского сюрреализма | Fondation Beyeler dans les labyrinthes du surréalisme parisien

Auteur: Ольга Юркина, [Базель](#) , 27.10.2011.

Сальвадор Дали, "Загадка желания", 1929 (© 2011, Fundació Gala-Salvador Dalí / ProLitteris, Zürich)

Фонд Бейелер посвящает самому бессознательному художественному направлению авангарда первую большую выставку в Швейцарии. Сальвадор Дали, Рене Магритт, Хоан Миро, частные коллекции Пегги Гуггенхайм и Симоны Коллине, первой жены Андре Бретона – балансировать на грани сна и реальности в Базеле можно до конца

января.

|
La Fondation Beyeler consacre au mouvement le plus inconscient de l'avant-garde la première grande exposition en Suisse. Salvador Dalí, René Magritte, Joan Miró ainsi que deux collections privées exclusives de Peggy Guggenheim et Simone Collinet, première femme d'André Breton: les balades entre le rêve et la réalité sont possibles à Bâle jusqu'à fin janvier.

Fondation Beyeler dans les labyrinthes du surréalisme parisien

Милое воображение, за что я больше всего люблю тебя, так это за то, что ты ничего не прощаешь.

Сюрреализм основывается на вере в высшую реальность определенных ассоциативных форм, которыми до него пренебрегали, на вере во всемогущество грёз, в бескорыстную игру мысли...

Андре Бретон, «Первый манифест сюрреализма», 1924

Пабло Пикассо, "Ателье художника" ("Открытое окно"), 1929 (© 2011, Succession Picasso / ProLitteris, Zürich)

Сюрреализм: столь очевидное и неисчерпаемое понятие. Родившись под легким пером поэта и литературного критика Гийома Аполлинера в 1917 году, этот зыбкий, почти призрачный термин через несколько лет определит философию авангардистского движения, оставившего неизгладимый след в истории искусства XX века. Поэтические и художественные резонансы парижского сюрреализма в буквальном смысле слова пересекли границы пространства и времени – до такой степени, что понятие, «раз и навсегда» определенное французским поэтом Андре Бретоном в легендарном манифесте 1924 года, на пороге третьего тысячелетия нередко рассеивается в туманах свободных интерпретаций.

Но эссенция сюрреализма осталась там, в далеком Париже 20-40-х годов прошлого века, в первых опытах автоматического письма Бретона и Супо, в ускользающих, хрупких образах Поля Элюара, в провокационных фантазмагориях Сальвадора Дали и тревожных видениях Рене Магритта...

Макс Эрнст, "Целый город", 1935-36 (© 2011, ProLitteris, Zürich)

Неслучайно первую большую выставку-ретроспективу парижского сюрреализма в Швейцарии базельский Фонд Бейелер организовал вокруг трех имен: Дали, Магритт, Миро. В каждом из них словно заключена своя сюрреалистическая вселенная, действующая по собственным законам, но возникшая из одних и тех же импульсов – к свободе глубинных творческих сил от разума, к торжеству бессознательного, утвержденного в своих правах психоанализом Фрейда, к полноправному проникновению сна в реальность. Куратору Фонда Бейелера Филиппу Бюттнеру удалось на несколько месяцев объединить под крышей музея редкое собрание 290 картин, скульптур, реди-мейдов, коллажей, фотографий, рисунков и манускриптов художников и поэтов сюрреалистов, а также произведения из двух эксклюзивных коллекций – Симоны Коллине, первой жены Андре Бретона, и Пегги Гуггенхайм.

Если официальной датой рождения сюрреализма считается 1924 год – дата публикации «Первого манифеста», то его автор учтиво напоминает, что «весьма многие поэты (если подходить к их результатам поверхностно) - начиная с Данте и Шекспира в его лучшие времена - могли бы прослыть сюрреалистами». На протяжении манифеста Андре Бретон цитирует внушительный перечень имен классиков мировой литературы, от немецких романтиков, Гюго и Маркиза де Сада до Бодлера, Малларме и Эдгара Аллана По, которые, по его мнению, могли бы стать и считаться сюрреалистами в полном смысле слова.

Хоан Миро, "Живопись" ("Цирковая лошадка"), 1927 (© 2011, Successió Miró / ProLitteris, Zürich)

Фонд Бейелера не пошел на столь щепетильное восстановление родословной авангардистского движения и ограничил свою «преамбулу» к выставке ближайшими предшественниками сюрреалистов, среди которых – итальянский футурист Джорджо де Кирико, создатель тревожных пустынных ландшафтов, где действует скорее геометрия сна, чем законы архитектуры.

Совсем иными образами наполнены красочные фантазии каталанского художника Хоана Миро, которого Андре Бретон неслучайно назвал «самым красивым пером на шляпе сюрреализма». Но для Миро творческий процесс не ограничивался безоговорочным следованием за потоком бессознательного и не складывался из фиксации мыслей и видений, не сдерживаемых рассудком. Его произведения – чуткий поиск взаимосвязей между реальным миром и миром абстрактных символов, магических ассоциаций, в которых скрываются самые сокровенные тайны природы и космоса. По своей философии произведения Миро близки, скорее, символическим гармониям Пауля Клее или поэтичным «Соответствиям» вселенной Шарля Бодлера.

Сюрреализм, воплощенный Максом Эрнстом – великим экспериментатором, никогда не останавливающимся на достигнутом и предвосхитившим абстрактный экспрессионизм американской живописи, - представлен в своих лучших образцах, в частности, благодаря уникальным произведениям из коллекции Пегги Гуггенхайм. Американская поклонница авангарда не только с 1938 года выставлала работы сюрреалистов в своей лондонской галерее, но и поддерживала дружеские связи с художниками. Именно благодаря ее вмешательству Виктор Браунер, художник румынского происхождения, соединяющий в своем творчестве сюрреализм с эзотерическими учениями, смог бежать от нацистов в нейтральную Америку в 1941 году.

Сюрреалистические серьги работы Ива Тангли, 1938 (© 2011, ProLitteris, Zürich)
Помощь Макс Эренсту, арестованному в начале Второй мировой войны, закончилась свадьбой художника со своей поклонницей и спасительницей в 1942 году. Правда, впоследствии они развелись, но в коллекции Пегги Гуггенхайм осталось немало работ Эрнста, включая те, что были приобретены для первых выставок в Лондоне. В 1942 году она открывает в Нью-Йорке знаменитую галерею Art of This Century, на открытии которой появляется в разных серьгах: одна была изготовлена сюрреалистом Ивом Танги, другая – американским скульптором Александром Колдером – таким артистичным образом Пегги подчеркивала свою беспристрастность по отношению к двум художественным течениям.

Личные отношения с кругом сюрреалистов оказали решающее влияние и на создание коллекции Симоны Коллине, урожденной Кан. Первая жена Андре Бретона была одним из самых активных сподвижников нового авангардистского направления на первых фазах его развития. Ее статьи печатались в журналах, издаваемых сюрреалистами, она лично руководила Бюро сюрреалистических исследований, открытым на улице Фонтэн в их с Бретоном доме. Здесь же зародилась и совместная коллекция предметов искусства и живописи.

Рене Магритт, "Большая война", 1964 (© 2011, ProLitteris, Zürich)
После разрыва в 1928 году супруги разделили ценное собрание по справедливости, но, в отличие от части, доставшейся автору «Первого манифеста», доля Симоны

Коллине дожила до сегодняшнего дня практически в неприкосновенности. Многочисленные картины, коллажи, фотографии, манускрипты, а также образцы искусства примитивных народов, повлиявшие на эстетику сюрреалистов и их предшественников, впервые выставляются в Швейцарии в полном объеме и иллюстрируют сюрреалистическое движение с необычных ракурсов.

Произведения французского поэта и художника Ханса Арпа, одного из основателей движения «Дада» в Цюрихе, повлиявшего на эстетическую концепцию сюрреализма, и Пабло Пикассо, некоторые произведения которого близки сюрреалистической форме, соседствуют с залом Рене Магритта. Бельгийский художник, хоть и отрицательно относился к психоанализу в искусстве, кажется, бессознательно опирался в своем творчестве на некоторые понятия, сформулированные Фрейдом. Впрочем, быть может, он только интуитивно нащупал в безднах сна и подсознательного те откровения, для описания которых теоретическим изысканиям не хватило бы слов.

Сюрреалистическая вселенная Магритта соткана из вполне привычных предметов, возникающих в неожиданных сочетаниях и конфигурациях: человек с яблоком вместо лица, поезд, вылетающий из камина, растения, превращающиеся в птиц, дождь из силуэтов человечков... Странное сочетание провоцирует визуальный шок, заставляет зрителя невольно вглядываться в изображение, открывать в нем магические грани реальности. «Тот, кто ищет символических значений, не постигает поэзию и тайну образа», - писал Магритт, творчество которого превосходно иллюстрирует эстетический принцип «случайной встречи» двух несовместимых предметов, заимствованный основоположниками сюрреализма у французского романтика Лотреамона.

Ман Рэй, "Слезы", 1933/1959 (© 2011, Man Ray Trust, Paris / ProLitteris, Zürich)

Обширная коллекция сюрреалистических фотографий и фильмов, представленная такими именами, как Ман Рэй, Рауль Юбак, Эли Лотар, Дора Маар и Луис Бунюэль, подводит к кульминационной части: выставка завершается апогеем сюрреализма – шедеврами Сальвадора Дали.

«Сюрреализм – это я!» - фраза гениального провокатора-каталонца, так не понравившаяся Бретону, в каком-то смысле оправдана: ибо кто, как ни Дали, на протяжении долгих лет почти ни разу не изменял принципам сюрреалистического искусства, выпуская на прогулки по холсту самые откровенные игры бессознательного, импульсивного начала?

В 1933 году Дали публикует эссе «Об ужасающей и съедобной красоте архитектуры в Ар Нуво»: по его мнению, современные здания воплощают примитивнейший фантазм человечества – поглотить объект своей страсти. Ироничный каталонец переформулирует хорошо известную его современникам фразу из романа Андре Бретона «Надя»: «Красота будет конвульсивной, или ей не быть» в «Красота будет съедобной, или ей не быть». Отсюда – эротико-кулинарные образы, населяющие полотна мастера до середины 1930-х годов. Дали разрабатывает целую теорию взаимодействия мягких и твердых тел («фаллический хлеб» или «жидкие яйца»). Идея пожирания предмета страсти становится навязчивой на картинах этого периода: один объект медленно поглощает другой, сама материя, кажется, бунтует и занимается самопоглощением.

Сальвадор Дали, "Мягкая конструкция с варёными бобами (предчувствие гражданской войны)", 1936 (© 2011, Fundació Gala-Salvador Dalí / ProLitteris, Zürich) Как и Магритт, Дали исследует сверхчувствительные состояния между сном и явью – видения, навеянные проникновением бессознательного в реальность. Его знаменитая картина «Сон, вызванный полётом пчелы вокруг граната за секунду до пробуждения» (1944) из Музея Тиссена-Борнемисы также представлена в Фонде Бейелер.

Многочисленные выставки, посвященные сюрреализму или отдельным представителям направления, были организованы в базельской галерее Эрнста Бейелера еще при жизни ее создателя: в 1974 году – «Сюрреализм и живопись», в 1995-96 – «Сюрреализм, мечта века», «Пикассо *surréal*» и «Рене Магритт. Ключ к сновидениям» в 2005 году. С ретроспективой парижского сюрреализма Фонд Бейелер впервые охватывает самое бессознательное из авангардистских движений во всей его целостности, с соответствиями и противоречиями, неизбежными в любом проявлении гениальности.

["Дали, Магритт, Миро: парижский сюрреализм"](#)

[Fondation Beyeler](#)

2 октября 2010 - 29 января 2011

[французский сюрреализм швейцария](#)

[Базель](#)

[Базель](#)

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/bazel-v-labirintah-parizhskogo-syurrealizma>